

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Исторический факультет

Кафедра отечественной истории

Федоров Ярослав Игоревич

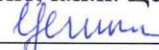
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**ДАНИЕЛЬ ГОТЛИБ МЕССЕРШМИДТ – ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ
ЕНИСЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ: ПИСЬМЕННОСТЬ,
АРХЕОЛОГИЯ, ПЕТРОГЛИФЫ**

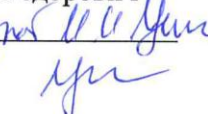
Направление подготовки: 44.03.01 «Педагогическое образование»
Профиль: «История»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ:

Зав. кафедрой доцент, к.и.н. Ценюга И.Н.

14.06.2018
(дата, подпись)

Руководитель доктор исторических наук,
профессор Быконя Геннадий Фёдорович

01.06.2018
(дата, подпись)

Дата защиты 25.06.2018

Обучающийся Федоров Я.И.

21.05.2018
(дата, подпись)

Оценка _____
(прописью)

Красноярск 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Даниель Готлиб Мессершмидт и его экспедиция в Сибирь	11
I.1. Жизнь и деятельность Д.Г. Мессершмидт до Сибирской экспедиции.....	11
I.2. Организация, личный состав и маршрут Сибирской экспедиции ...	14
I.3. Возвращение в Петербург и последние годы жизни	21
Глава II. Древности Приенисейской Сибири по материалам научной экспедиции Д.Г. Мессершмидта	28
II.1. Открытие древней письменности народа населявшего Хакасско-Минусинскую котловину в средние века	28
II.2. Археологические раскопки древних захоронений	32
II.3. Описание петроглифов на Енисее и Ангаре	37
Заключение	41
Список использованной литературы и источников	42
Список приложений	46
Приложения 1-5	47

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы.

Начало научного изучения Сибири неразрывно связано с именем Петра I. Великий император страстно желал знать, что же за страна составляла восточную часть его державы. Так исторически сложилось, что главными проводниками инициатив Петра I в области научного освоения Сибири явились немецкие исследователи, приглашенные на русскую службу в первой трети восемнадцатого столетия. Именно им выпала трудная миссия быть учеными-первопроходцами и вслед за военным, политическим и экономическим освоением обширнейшего края, о котором было известно больше легенд, нежели достоверных сведений, составить на научной основе базу данных по картографии и географии, биологии и минералогии, истории и этнографии территории, расположенной на восток от Уральских гор. Вклад немецких ученых Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Г.В. Штеллера, И.Э. Фишера в то, что Сибирь в XVIII веке из *terraincognita* превратилась для европейской общественности и науки во вполне определенную Российскую провинцию трудно переоценить, более того, некоторые научные материалы этих исследователей с годами приобретают всё большую ценность. К сожалению, мы вынуждены констатировать тот факт, что за прошедшие три столетия основная часть материалов этих экспедиций так и не была введена в научный оборот, а ведь по ряду вопросов истории русского населения и коренных народов Сибири они являются уникальным источником.

Цель: выявление роли выдающегося немецкого ученого Даниеля Готлиба Мессершмидта в научном исследовании древностей Приенисейской Сибири.

Задачи работы:

– выявить состав и основные этапы маршрута первой Сибирской экспедиции;

– определить основные виды деятельности экспедиции на территории Приенисейской Сибири;

– дать характеристику археологической деятельности Д.Г. Мессершмидта;

– выявить вклад Д.Г. Мессершмидта в открытии и изучении древностей Приенисейской Сибири.

Объектом исследования является деятельность первой научной экспедиции в Приенисейской Сибири в первой четверти XVIII века.

Предметом исследования является содержание, характер и вклад первой научной сибирской экспедиции под руководством Д.Г. Мессершмидта, в изучение древностей (археология, письменность, петроглифы) Приенисейской Сибири.

Хронологические рамки исследования определяются непосредственно работой первой научной экспедиции в Приенисейской Сибири. Датой, определяющей нижний хронологический предел исследования, является август 1721г., когда, направляясь из Томска в Абаканский острог, Д.Г. Мессершмидт, в верховьях реки Томь, пересек границу Кузнецкого и Красноярского уездов, и, перевалив через хребет Кузнецкого Алатау, спустился в Уйбатскую степь, где и начал научное изучение нашего края. Верхней временной рамкой работы является сентябрь 1725 года, когда возвращаясь из Сибири в Петербург, Мессершмидт плывя на дощанике вниз по реке Кеть, пересек границу Енисейского и Томского дистриктов, навсегда простившись с нашим краем.

Территориальные рамки исследования охватывают современный Красноярский край и республику Хакасия.

Историографический обзор.

Первый подробный очерк о жизни и научной деятельности Д.Г. Мессершмидта появился в 1779 году, в книге библиотекаря Академии наук И. Бакмейстера «Опыт о библиотеке и кабинете редкостей...». В этом очерке Бакмейстер допустив ряд фактических неточностей хронологического плана,

показал многогранность научных интересов Мессершмидта, и помимо естественнонаучных открытий, вклад его в изучение языка, быта и нравов народов, населяющих Сибирь. Он же первым отметил скромность характера Мессершмидта и нежелание и неумение его требовать должного по заслугам. Бакмейстер лично знал дочь Мессершмидта, которая жила в Петербурге вполне благополучно [2,с.117-118].

Завершающей в веке XVIII была работа П.С. Палласа «Сообщение о семилетнем путешествии в Сибирь Д.Г. Мессершмидта», опубликованная им в Петербурге в 1782 году[40, с.97-158]. Помимо биографического очерка Паллас впервые дает подробное описание сибирской экспедиции. Причем весьма интересен его комментарий маршрута, ведь свое путешествие по Сибири, спустя полвека, Паллас совершил по следам Мессершмидта. Поэтому восторженная оценка, которой он, характеризует итоги экспедиции Мессершмидта, в целом – как бы символизирует отношение к научным трудам Мессершмидта его современников и ближайших последователей. Паллас высказал убеждение, что издание хотя бы основной части работ этого выдающегося ученого, обогатит европейскую науку во многих направлениях.

В XIX веке появляется достаточно много работ, посвященных экспедиции Мессершмидта как общего, так и узкоспециального характера. Наиболее достоверные и интересные работы общего характера это очерки В.М. Рихтера и П. Пекарского. И если Рихтер основной упор делает на жизнеописание Мессершмидта, его врачебную практику в России, в том числе и во время сибирского путешествия, особенности его характера (честность и порядочность) [41, с.148-153], то Пекарский дает подробную картину сибирского путешествия и последних лет жизни в Петербурге. Кроме того, Пекарский оценивая вклад Мессершмидта в российскую и европейскую науку, справедливо замечает, что вклад этот трудно переоценить, т.к. плодами трудов его (хоть и не изданных, а известных только в рукописях) пользовались впоследствии все участники сибирских научных экспедиций, организованных Академией наук [20, с.350-362]. И

завершая обзор работ дореволюционных авторов, отметим очерк В. Радлова в «Сибирских древностях». В первом выпуске этого монументального сборника по археологии Сибири, Радлов не без основания отмечает, что первым, кто начал именно научные раскопки древних курганов в Сибири с подробным описанием и зарисовками работ и найденных предметов, был Д.Г. Мессершмидт, который в 1722 году сам раскопал один из курганов на Енисее, близ Абаканского острога, но и, кроме того, собрал очень хорошую археологическую коллекцию, отчасти из купленных, отчасти из подаренных ему предметов, найденных в курганах бугровщиками. По словам Радлова, особая заслуга Мессершмидта состоит еще и в том, что он не только собирал, и бережно сохранил эти предметы для науки, но и по возможности делал описание – где, как и при каких обстоятельствах, они были найдены [26, с. 9-19].

Среди работ советских авторов, которые были изданы в XX веке, выделим монографию М.Г. Новлянской «Д.Г. Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири», изданную в 1970 году. В этой монографии, написанной на основе источников, хранившихся в архивах АН СССР и Берлинской АН, Новлянская дает великолепный биографический очерк, уточняя датировку ряда событий и, исправляя те хронологические ошибки, которые как шлейф от кометы, тянулись с указанной нами работы Бакмейстера XVIII века. Подробно описывается ход сибирской экспедиции и дается развернутая характеристика научных исследований. Для нас, единственным минусом этой работы является то, что Новлянская лишь кратко рассмотрела енисейский этап сибирской экспедиции [19, с. 31-38], главный упор, сделав на его пребывание в Тобольске и Томске.

И, конечно же, нельзя не упомянуть работы немецкого историка Э. Винтера. В своем Введение к первому тому дневников Мессершмидта, Винтер дает историческое обоснование тому, что такая экспедиция могла быть возможной только в XVIII веке, с его зародившимися и развивающимися капиталистическими отношениями, в том числе и в России.

Также, Винтер подчеркивает особую роль учения пиетизма, сказавшуюся на всех научных изысканиях европейцев в России, а особенно на Мессершмидте, верным продолжателем идей А. Франке. И, что особо важно, Винтер вполне справедливо отмечает, что работы Мессершмидта остаются до сегодняшнего дня практически единственным достоверным источником по многим вопросам истории некоторых народов Сибири [43,s.1-20].

Наиболее актуальны для нашего исследования работы видного хакасского ученого Леонида Романовича Кызласова. Он акцентирует внимание на то, что раскопки, произведенные Мессершмидтом в начале января 1722г., возле Абаканского острога – являются первыми археологическими работами в Сибири. Учитывая, что Мессершмидт выполнил эскизы раскапываемого кургана, самой могилы и найденных в ней вещей, а также сделал подробное описание хода работ, Кызласов с полным основанием утверждает, что «раскопки велись, на вполне научном уровне, с географической фиксацией погребального сооружения...». Таким образом, Мессершмидт является зачинателем сибирской археологии. Летом 1959 года Кызласов специально исследовал этот район и пришел к выводу, что раскопанные Мессершмидтом курганы «находились на левом берегу Енисея близ современной деревни Абакано-Перевозной...». К сожалению, после заполнения Красноярского водохранилища место это ныне находится в зоне затопления [12,с.43-52]. Статья Кызласова вполне достоверна за исключением небольшой ошибки в датировке. Вслед за Радловым он называет дни раскопок 1-6 января, но как видно из дневника Мессершмидта, на самом деле раскопки велись только 4-6 января 1722г.

Что касается работ российских историков начала XXI века, выделим монографию новосибирских учёных, отца и дочери, А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова «Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII-XIXвв.» 2005г., в которой дана наиболее полная характеристика археологической деятельности экспедиции Д.Г. Мессершмидта [3]. Очень интересную попытку тематического исследования, раскрывающего один из

секторов круга интересов Д.Г. Мессершмидта, с учетом основных положений современной археологии, предприняли в 2017г. директор ПФА РАН Ирина Владимировна Тункина и археолог Дмитрий Глебович Савинов в своей монографии «Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков Сибирской археологии»[28].

Из работ других историков отметим, прежде всего, очерк профессора кафедры отечественной истории нашего университета Геннадия Федоровича Быкони в книге «История Приенисейского края XVII-первой половине XIX века» и монографию «Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.». В этих работах Г.Ф. Быконя в общих чертах дает представление о Мессершмидте, ходе сибирской экспедиции и более подробно останавливается на пребывании Мессершмидта в южных районах края и в городе Красноярске с 1721 по 1723г. [4, с.140-151; 5].

Дивногорский историк Игорь Геннадьевич Фёдоров в своих статьях 2006-2016-х гг. дал краткую характеристику и общую оценку той части научного наследия Д.Г. Мессершмидта, которая составляет описание и рисунки археологических памятников, петроглифов, древнехакасской письменности[29; 30; 31; 32].

Из работ краеведов выделим исследования 2014г. Юрия Ивановича Чивтаева из Усть-Кута, характеризующие, в том числе результаты экспедиции по Нижней Тунгуски [33].

Таким образом, заканчивая историографический обзор, мы констатируем факт, что за те три столетия, прошедших с момента экспедиции Мессершмидта на территории нашего края, так и не появилось специального обобщающего труда по древностям Приенисейской Сибири, открытых Д.Г. Мессершмидтом.

Краткая характеристика источников.

По возвращению из Сибири в Петербург, Мессершмидт передал свои рукописи и коллекции в Академию Наук. Большая часть этих материалов

хранятся и поныне в архиве Академии Наук в Петербурге (ПФА РАН) и в кратких чертах содержат следующее:

дневники: 12 объемистых переплетенных тетрадей, заключающих около 3000 страниц, озаглавленных: «Journal der Reise von Tobolsk, der Hauptstadt Sibiriens über Tara, Tomskoi und soweit im Sibirien Reiche» (Фонд 98, оп. 1, № 1-5); многочисленные описания орнитологических, ихтиологических, зоологических, ботанических и медицинских наблюдений, определений астрономических пунктов и т.д. (Фонд 98, оп.1, № 6-20, 22-25); целый ряд рукописных или печатных, но имеющих пометки Мессершмидта карт (Фонд 98, оп.1, № 26-44); письма Мессершмидта в Академию Наук (Фонд 1, оп.3, № 7); переписка Академии Наук относительно передачи, принятия и оплаты коллекций Мессершмидта (Фонд 3, оп.1, № 3, 61, 813); биография Мессершмидта, составленная в 1735 году Г.Ф. Миллером (Фонд 21, оп.1, № 105).

Основным источником нашей работы, является дневник Сибирского путешествия. Как уже было отмечено выше, дневник представляет собой 12 тетрадей, в кожаном переплете. Размер страницы в 1/4 листа, всего этих страниц 2992. Текст написан на немецком языке (см. Приложение 3). В тексте встречаются описания, в основном ботанические, написанные на латинском языке. По полям страниц много вставок, уточнений и дополнений, сделанных Мессершмидтом уже по приезде в Петербург. Полный текст этих дневников был издан в Берлине, на немецком языке, совместными усилиями Академии наук СССР и Академией Наук ГДР. В 1962 году в Берлине был издан первый том дневника Мессершмидта, в 1964 – второй, в 1966 – третий, в 1968 – четвертый и в 1977 – пятый том. Согласно делению Мессершмидта, разбивка по томам была сделана по хронологическому принципу: 1 том – 1721-1722 гг., 2 том – 1723 год, 3 том – 1724, 4 том – 1725, 5 том – 1726-1727 гг.

В своей работе мы используем текст дневника по 1-му, 2-му и 4-му томам академического издания. Перевод с немецкого осуществлен частично

мной, в большей части красноярскими историками Г.Ф. Быконей и И.Г. Фёдоровым. Также мы использовали перевод томского историка Елены Алексеевны Ким, изданный в 2012г. [17].

ГЛАВА I. ДАНИЕЛЬ ГОТЛИБ МЕССЕРШМИДТ И ЕГО ЭКСПЕДИЦИЯ В СИБИРЬ

Начало научного изучения Сибири неразрывно связано с именем Петра I. Великий император страстно желал знать, что же за страна составляла восточную часть его державы. И первым мероприятием, которое инициировал Петр I в этом направлении, стала организация экспедиции под руководством немецкого ученого – доктора Даниеля Готлиба Мессершмидта.

Именной указ Петра I от 15 ноября 1718 года гласил «доктора Мессершмидта послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян» [24, л.1]. Годовой оклад Мессершмидту определили в пятьсот рублей. Появление этого указа стало возможным благодаря стечению ряда обстоятельств, начавшихся в 1716 году, когда после взятия Данцига Петр I во время осмотра города посетил Музей естественноисторических коллекций, основанный профессором Иоганном Филиппом Брейном. Музей очень понравился русскому царю, и он попросил Брейна рекомендовать такого ученого, который взялся бы предпринять путешествие по России с целью собирания коллекций и исследования естественных богатств страны. Брейн предложил кандидатуру своего помощника и приятеля Д.Г. Мессершмидта, доктора медицины. При личном знакомстве молодой немецкий ученый произвел на Петра I благоприятное впечатление, и вскоре тот поручил своему лейб-медику и главному архиатеру Роберту Арескину официально оформить поступление на службу в Россию доктора Д.Г. Мессершмидта [19,с.8].

I.1. Жизнь и деятельность Д.Г. Мессершмидт до Сибирской экспедиции

Даниель Готлиб Мессершмидт (DanielGottliebMesserschmidt) родился 6 сентября 1685 года в г. Данциге (Гданьске) в семье главного городского

корабельного инспектора [25,л.1].Отец его был померанским немцем, лютеранского вероисповедания. Даниэль был младшим сыном в семье с четырьмя детьми. Шести лет от роду он был определен родителями в школу, где с особым усердием изучал латинский язык [25,л.1об.]. В 1706 году Мессершмидт поступил на медицинский факультет Иенского университета, но спустя два года переходит в университет города Галле. В 1713 году Мессершмидт закончил университет, защитив диссертацию на тему «О разуме как главенствующем начале всей медицинской науки» («Deratione praeside universae Medicinae») под руководством Фридерика Гоффмана и получил ученую степень доктора медицины [41,s.148].Пятилетнее пребывание в Галле, вне сомнения, оказало главенствующее влияние на формирование не только жизненных принципов и религиозных взглядов, но и методике научной работы Д.Г. Мессершмидта – яркого представителя немецкой ученой ментальности эпохи Просвещения. Убежденный сторонник пиетизма, во время путешествия в Сибирь, он с немецкой педантичностью, пунктуальностью и тщательностью, ежедневно до глубокой ночи заносил в дневник результаты собственных наблюдений.

Религиозные взгляды Д.Г. Мессершмидта во многом сложились под влиянием Августа Германа Франке, профессора древнегреческого и восточных языков в университете Галле. Сторонник критического метода в филологии, А.Г. Франке был убежден, что знание языков, в том числе славянских, будет способствовать европейским миссионерам в изучении истории, культуры и религии далеких стран и народов. А.Г. Франке являлся одним из основоположников пиетизма (от лат. *pietas* – благочестие) в лютеранстве. Франке основал в Галле благотворительный приют, учебно-воспитательные учреждения, больницу, аптеку, в которой, кстати, работал в студенческие годы и Д.Г. Мессершмидт [28, с.19].Уже в Сибирской экспедиции, добросовестно выполняя свой долг ученого, Д.Г. Мессершмидт был убежден, что Богу нужно не внешнее, а внутреннее служение, служение

главному делу своей жизни – науке, добровольное послушание, стремление изо всех сил «взрачивать плоды веры» по велению Святого Духа[35,s.286].

Вернувшись в Данциг, Мессершмидт занимался врачебной практикой и активно помогал профессору И.Ф. Брейну в сборе и научном описании коллекции Музея, получившего широкую европейскую известность [22,л.39].

После того, как в 1716 году между Мессершмидтом и Р. Арескиным была достигнута устная договоренность об условиях поступления на русскую службу, прошел почти год, прежде чем было заключено официальное соглашение [20, с.351]. Только в сентябре 1717 года, при вторичном посещении Данцига, Р. Арескин выдал Мессершмидту удостоверение, в котором подтверждалось, что указом Петра I предписано пригласить на службу доктора Мессершмидта для исследования природных богатств Российского государства, с установленным окладом 500 рублей в год, начиная с 1 января 1718 года [23, л. 94]. Кроме того, Р. Арескин, который, помимо должностей лейб-медика и главного архиатера, одновременно исполнял также должность заведующего Кунсткамеры и директора Библиотеки, пообещал Мессершмидту, что по приезду в Петербург предоставит ему должность заведующего Кунсткамеры со всеми законными правами и увеличением оклада [21, л. 59об.].

В феврале 1718 года, получив аванс в размере 100 рублей, Мессершмидт выехал в Петербург, добраться до которого сумел лишь в апреле. Здесь его ждало неутешительное известие. Роберт Арескин, единственный покровитель Мессершмидта в России, тяжело заболел. Лейб-медиком царя был назначен молодой и энергичный Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост, должности директора Библиотеки и заведующего Кунсткамерой перешли к нему, а архиатером и президентом Медицинской канцелярии был назначен его старший брат Иоганн ДеодадБлюментрост. Честолюбивые, только что пришедшие к власти братья Блюментросты не собирались ни с кем делить никакие должности. Поэтому пост заведующего Кунсткамерой стал для Мессершмидта недоступен[30,с. 82]. Более того,

энциклопедически образованный ученый явно тяготил Блюментростов своим присутствием в Петербурге, поэтому они всячески способствовали скорейшему отъезду Мессершмидта из столицы.

И в ноябре месяце, по указу Петра I его отправляют в Сибирь, но с весьма расплывчатой формулировкой «для изыскания всяких раритетов». Зато в указе четко определена подчиненность и подотчетность Мессершмидта перед Медицинской канцелярией, куда он должен был присылать все собранные материалы, и за счет которой должна была производиться в Сибири выплата ему жалованья, прогонных денег и денег на приобретение этих самых «раритетов»(см. Приложение 1).

I.2. Организация, личный состав и маршрут Сибирской экспедиции

В марте 1719г. Мессершмидт выехал в Москву на шести подводах, в которых были размещены необходимые в путешествии вещи и книги. Не имея никаких правительственных распоряжений с предписанием к местной администрации о помощи и содействии во время путешествия, Мессершмидт уже в Москве столкнулся с знаменитой российской волокитой[29, с. 254]. Лишь в сентябре ему удалось выехать из Москвы в свите направляющегося в Китай посла Л.В.Измайлова. 24 декабря 1719г. Мессершмидт благополучно прибывает в столицу Сибирской губернии Тобольск, и уже на следующий день получает письмо от своего непосредственного начальника - президента Медицинской канцелярии И.Д.Блюментроста, в котором тот корректирует задачу исследований: «вам, высокочтимый доктор надлежит тщательно описать и прислать в Петербург все, что вы нашли достойным внимания из царства животного, растительного или минерального»[23, л.100]. Комментируя это письмо, Мессершмидт сделал следующую запись: «Сверх устного указа Е.И.В. от 15 ноября 1718г. увеличено задание добавлением еще двух царств природы – животного и

минерального, но без повышения оклада»[23, л. 74]. Впрочем, самим Мессершмидтом программа исследований была в дальнейшем еще более расширена и включала в себя также научно-исследовательские работы по географии, естественной истории во всем объеме, медицине, описанию сибирских народов и исследованию их языка, изучению памятников древности и других достопримечательных явлений.

В Тобольске Мессершмидт задержался до марта 1721г. За это время он добился двух главных моментов для дальнейшей организации экспедиции в Сибирь. Во-первых, он получил указ за подписью сибирского губернатора А.М. Черкасского «управителям всех городов Сибирской губернии», в котором четко было сформулировано приказание о всяческой помощи и обеспечении охраны Мессершмидту[24,л.25]; а во-вторых, он выхлопотал разрешение взять с собой в качестве помощников двух военнопленных шведских офицеров, проживавших в Тобольске, содержание и оплату которых Мессершмидт принял на свой счет. Таким образом был сформирован следующий состав экспедиции: руководитель – доктор медицины Д.Г. Мессершмидт; его помощник – капитан шведской армии Филипп Иоганн Табберт, впоследствии барон фон Страленберг; квартирмейстер – унтер-офицер Даниил Капель; рисовальщик – Карл Густав Шульман, 16-летний племянник Ф.И. Табберта; слуга и переводчик – Петер Кратц; повар – Андрей Геслер. Кроме того, Мессершмидт взял с собой в качестве слуги 14-летнего мальчика Ивана Путинцева, которого купил за 12 рублей в Ялуторовской слободе [1, с.40; 19,с.23].

1 марта 1721 года Мессершмидт и его спутники выехали из Тобольска в восточном направлении и спустя месяц прибыли в Томск. Здесь экспедиция задержалась почти на три месяца, используя это время для сбора всякого рода сведений по истории, этнографии и географии края. Здесь же экспедиция на время разделяется. Мессершмидт и Капель в начале июля, через Кузнецк, отправляются в Абаканский острог на Енисее, а Страленберг остается в Томске, дожидаться проезжающего через Нарым из

Китая в Петербург посла Л.В. Измайлова. 12 сентября Мессершмидт и Капелль прибывают в Абаканский острог, где к ним 22 декабря присоединяется Страленберг. Более подробно о пребывании экспедиции в Приенисейском крае мы расскажем чуть ниже, отметим только, что в мае 1722г. Мессершмидт вынужден был расстаться со своими шведскими спутниками, возвращавшимися домой по условиям Ништадского мирного договора, и весь дальнейший путь он проделал один, сопровождаемый только верным своим слугой Петером Кратцем и поваром Андреем Геслером. 19 декабря 1723 года Мессершмидт прибыл в Иркутск и в тот же день точно вычислил географическую широту этого города. В Иркутске он познакомился с известным русским геодезистом Федором Федоровичем Лужиным, незадолго до этого вернувшимся с Камчатки. Лужин поделился с ученым своими знаниями о топографии Забайкалья, и 29 февраля 1724 года Мессершмидт выехал из Иркутска на санях в Удинск (ныне г. Улан-Удэ), чтобы самому исследовать этот край. Прибыв в Удинск 6 марта, Мессершмидт на 10 дней съездил в Селенгинск на встречу со своим давним другом Лоренцом Лангом, возвратившимся из Китая, где тот был в качестве торгового агента России. Здесь же Мессершмидт познакомился, и остался очень доволен этим знакомством, с епископом Переяславским Иннокентием Кульчицким. Впоследствии этого архиерея Православная церковь канонизировала под именем Святителя Иннокентия Иркутского. По возвращению в Удинск, в ожидании установления дорог, Мессершмидт занимался систематизацией собранного материала. В частности, он составил каталог лекарственных растений Сибири из 1216 названий, сделал подробное описание птиц, до этого неизвестных науке, таких как овсянка, особый вид коноплянки, удода и др. [35, s.245, 265].

7 мая 1724 года Мессершмидт продолжил свое путешествие на Восток и 22 июля на плотах по р. Шилке прибыл в г. Нерчинск. Здесь 2 августа он получил письмо Блюментроста с требованием срочного возвращения в Петербург [23, л.111]. И как ни хотелось Мессершмидту продолжить свое

путешествие дальше на восток, он вынужден был подчиниться приказу непосредственного начальства и начал подготовку для обратной дороги. Но зная его желание посетить озеро Далайнор, нерчинский комиссар Луговской посоветовал Мессершмидту дойти через Аргунский сереброплавильный завод до озера Далайнор, где по его сведениям должна брать исток река Селенга, а далее по ней спуститься до Селенгинска. Мессершмидт с удовольствием воспользовался этим благим советом, не предполагая, какими роковыми для всей его дальнейшей судьбы окажутся последствия этого вояжа. Возле озера Далайнор, вследствие холода и голода, проводники, взятые из бурятских юрт, сбежали. Заблудившийся Мессершмидт случайно пересек русско-китайскую границу и был задержан китайским чиновником. И только после долгих разбирательств наш путешественник был отпущен и в сопровождении монгольских проводников доставлен к реке Онон, переправившись через которую 22 октября 1724 года, он вновь вернулся в пределы Российской империи. Но время было безвозвратно упущено, и его возвращение в столицу отложилось еще на год, что было расценено Блюментростом как неповиновение и открытое пренебрежение к его приказам.

Лишь 10 ноября Мессершмидту удалось добраться до Читинска, где он задержался в ожидании санного пути. Но обстоятельства вынудили его остаться в Читинске до конца февраля. Здесь, 21 января 1725 года, в 7 часов вечера, ему довелось испытать сильное землетрясение, единственное, кстати, за все годы его странствий по Сибири. Впоследствии, узнав о несчастье, которое произошло в то же самое время в Санкт-Петербурге с русским императором Петром I, Мессершмидт, этот в высшей степени рациональный человек и ученый не склонный к мистицизму, тем не менее, расценил связь между двумя данными событиями как сверхъестественную и неподвластную разуму человека. Из Читинска Мессершмидт выехал 24 февраля, а 11 марта благополучно достиг Удинска. Отсюда, не задерживаясь, он отправился к озеру Байкал, которое пересек 1 апреля в районе между Посольским

монастырем и Лиственничным зимовьем. И наконец, 14 апреля Мессершмидт прибыл в Иркутск. Здесь, в ожидании выплаты жалования за три года (1723, 1724 и 1725), Мессершмидт вынужден был задержаться почти на два месяца, и лишь 23 июня, на дощанике в 12 гребцов, Мессершмидт отплыл из Иркутска, вниз по Ангаре. Во время этого увлекательного плавания он сделал подробнейшие описания ангарских порогов, а также Писанного камня недалеко от д. Климовой и Мурского песчаного камня, состоящего из чистого однородного белого песка [38. s.153].

В сентябре 1725 года Мессершмидт пересек границу Енисейского и Томского дистриктов и, сплавляясь вниз по р. Кеть, 22 сентября достиг Нарыма, где в первый же день определил географическую широту этого города. Далее, путешествуя по Оби, он 4 октября добрался до Сургута, 9 октября вынужден был прекратить свой путь водою, возле устья Иртыша, из-за сильного берегового оледенения. 19 октября, уже по льду, он переехал на левый берег Оби и затем по первопутку добрался до Самарова-Яма, что на правом берегу Иртыша. Здесь, в отведенной для него квартире, Мессершмидт занялся подготовкой к сдаче в Медицинскую канцелярию всех собранных им во время путешествия материалов [19,с.137].

Теперь перейдем к более подробному описанию маршрута экспедиции Мессершмидта на территории Приенисейского края, на который приходится один из самых продолжительных и плодотворных этапов работы экспедиции. Два года, с августа 1721 по август 1723, экспедиция исследовала достопримечательности земли Енисейской от самых южных пределов (бассейн р. Абакан и Саянский острог), до северных (р. Нижняя Тунгуска и Туруханск). В 1725г., возвращаясь из Иркутска в Петербург, Мессершмидт вновь пересек наш край, на этот раз с востока на запад, по р. Ангаре, через Енисейск и по р. Кети. Описание всего увиденного здесь занимает треть всех Сибирских записей Мессершмидта. Скрупулезно и точно ученый характеризует природу края (климат, растительный и животный мир, ландшафт, геологическое строение, природные богатства). Несомненный

интерес, для нас, историков представляют и те страницы путевого журнала, в которых рассказывается о жизни русского населения в городах, острогах и селах, о коренных жителях южных районов (татарах, аринцах, камасинцах) и севера (остяках-кетах, тунгусах-эвенках), о том, как выглядели их жилища и поселения в первой четверти XVIII века. Все это бесценный исторический материал, позволяющий нам представить жизнь наших земляков того времени.

Знакомство с нашим краем Мессершмидт начал с южных районов. В августе 1721 года он пересек границу Кузнецкого и Красноярского уездов и по верховьям реки Томь на небольших шорских челноках доплыл до татарских юрт Балык-Су (ныне п. Балыкса). Далее, на 14 лошадях экспедиция совершила переход через «Белые горы» – хребет Кузнецкого Алатау (по этой тропе ныне проходит железная дорога Новокузнецк – Абакан) и спустилась в Уйбатскую степь, а вдоль реки Уйбат – до впадения ее в р. Абакан [13,с.32-33]. Оттуда на двух каюках вниз по Абакану и Енисею до Абаканского острога (впоследствии село Краснотуранское, ныне в зоне затопления Красноярского водохранилища), куда и приплыли 12 сентября. Здесь Мессершмидт стал дожидаться Страленберга, оставшегося с некоторыми поручениями в Томске [19,с.30]. В АбаканскСтраленберг прибыл лишь 22 декабря и другим путем: из Томска по р. Кия, далее по р. Серть (ныне Серта), затем до р. Урюп и через Божье Озеро (ныне оз. Большое) к селу Беллык на Енисее [35,с.149-161].В Абаканском остроге экспедиция пробыла до 16 февраля 1722 года и затем на санях по Енисею отправилась в Красноярск.

24 февраля 1722 года экспедиция добралась до Красноярска. Здесь Мессершмидт и Страленберг перезимовали, а 13 мая выехали из Красноярска в западном направлении [35,с. 216-220].28 мая на р. Большой Кемчуг Мессершмидт расстался со Страленбергом, который вместе с Карлом Шульманом возвращался на Родину (по условиям Ништадского мирного договора). Отныне и до самого конца экспедиции Мессершмидт работал один, с верным своим слугой и помощником Петером Кратцем.

Далее по р. Чулым на 12 лодках, Мессершмидт 20 июня 1722 года, доплыл до Ачинского острога, где остановился на четыре дня [35,s. 235-246]. Отсюда Мессершмидт выехал на лошадях в южном направлении. Миновав, по Причулымским степям, Белое и Божье озеро 19 июля Мессершмидт достиг р. Черный Июс. Потом его путь лежал к р. Абакан. И 23 августа, неподалеку от устья р. Арбат, Мессершмидт переправился через р. Абакан [35,s. 300-303].

Перевалив Абаканский хребет Мессершмидт остановился в долине р. Джебаш (ныне р. Джабаш), а 3 сентября из-за резкого ухудшения погоды, вынужден был отправиться в обратный путь. 11 сентября он вышел к Енисею, напротив Саянского острога, переправился и после небольшого отдыха на струге и двух лодках экспедиция вниз по Енисею поплыла к Абаканскому острогу, а 21 сентября – дальше к Красноярску [35,s. 303-315].

5 октября 1722 года Мессершмидт вновь прибыл в Красноярск, где остановился на вторую свою зимовку.

8 мая 1723 года он отплывает из Красноярска вниз по течению Енисея, на трех лодках, и 19 мая добирается до Енисейска [36,s. 46-50]. Здесь он живет до июня и принимает решение спуститься вниз по Енисею до Туруханска (ныне п. Старотуруханск). 15 июня Мессершмидт по Енисею достиг устья Нижней Тунгуски, а 16 июня остановился в Туруханске, или в Мангазее (так он называл Туруханск) [36,s. 70-72]. Отсюда после недельного приготовления Мессершмидт вверх по Нижней Тунгуске на дощанике и двух каюках отплывает 24 июня, с целью достичь Иркутска. Через месяц с небольшим, 28 июля 1723 года, Мессершмидт проплыл мимо устья р. Илимпей и покинул пределы нашего края [36,s. 77-78]. Дальнейший его путь лежал в пределах Иркутского уезда, а в Иркутск он прибыл только 19 декабря 1723 года.

В нашем крае Мессершмидт побывал еще раз в 1725 году, возвращаясь в Санкт-Петербург.

23 июня 1725 года на дощанике, с 12 гребцами Мессершмидт отплыл из Иркутска вниз по Ангаре и 14 июля достиг Енисейска [38,s. 132-160]. Здесь, в силу разных обстоятельств, он вынужден был задержаться на целый месяц, но его одиночество было скрашено обществом Витуса Беринга и членов его экспедиции (Первая Камчатская экспедиция), которые готовились к отъезду на восток [38,s. 163-169].

Наконец, 15 августа 1725 года, Мессершмидт с багажом на двенадцати подводках выехал из Енисейска и 19 августа прибыл в Маковский острог (ныне с. Маковское) [38,s. 196-197]. Отсюда, на отремонтированном струге Беринга, 20 августа, Мессершмидт отплыл вниз по р. Кеть, впадающую в Обь. Спустя неделю, 27 августа, он доплыл до Лосиноостровского монастыря (ныне с. Лосиноборское) и остановился там на 11 дней [38,s. 200-202].

8 сентября 1725г. рано утром, Мессершмидт отплыл из Лосиноостровского монастыря и после обеда пересек границу Енисейского и Томского дистриктов, навсегда покинув наш край.

I.3. Возвращение в Петербург и последние годы жизни

В январе 1726г. сибирский губернатор князь М.В. Долгорукий получил в Тобольске промеморию из Санкт-Петербурга от президента Медицинской канцелярии И.Д. Блюментроста с требованием немедленно выслать Мессершмидта в Петербург со всеми его вещами, в каком бы месте Сибири тот бы не находился. Дело в том, что еще в 1723г. было решено отозвать Мессершмидта из Сибири, и с этой целью, в 1724г. в Сибирскую губернскую канцелярию было отправлено две промемории для Мессершмидта о срочном возвращении. Однако эти промемории дошли до Мессершмидта с большим опозданием, да и ряд обстоятельств не позволили путешественнику вернуться в срок. Взбешенный этим неповиновением Блюментрост и отправил в конце 1725 года промеморию сибирскому губернатору, в которой помимо прочего указал, чтобы жалование Мессершмидту не платили,

начиная с 1725 года. Итак, князь М.В. Долгорукий зная, что Мессершмидт находится в Самаров-Яме направил местному коменданту Козлову указ о наискорейшей высылке Мессершмидта в Тобольск.

Уже 27 февраля вместе со своими 14 возами Мессершмидт прибыл в Тобольск, где указанием Медицинской канцелярии был проведен досмотр всего багажа, после чего все коллекции упаковали и опечатали печатью Сибирской губернской канцелярии. В Тобольске немецкий ученый открыто подвергся унижительному пренебрежению к плодам своей научной деятельности, подозрению в провозе контрабандных товаров из Сибири, и под влиянием гневного письма его непосредственного начальства из столицы, явным оскорблением. Из Тобольска Мессершмидт выехал 22 марта в сопровождении двух конвойных солдат Тобольского гарнизона. Эти солдаты не были подчинены ему, более того, согласно инструкции сибирского губернатора князя М.В. Долгорукова они должны были строжайшим образом сторожить в пути как собранные Мессершмидтом коллекции, так и его самого «высылаемого» из Сибири. По прибытию в Москву солдаты должны были доставить его вместе с багажом в Медицинскую контору [23, л.119-123]. По дороге в Соликамск, из-за халатности ямщиков и конвойных, которые вели себя крайне вызывающе, по обращению к Мессершмидту, были повреждены печати на некоторых ящиках. Поэтому по приезду в Соликамск 12 апреля Мессершмидт подал в Соликамскую провинциальную канцелярию донесение с просьбой опечатать поврежденные в дороге ящики, наказать конвойных и предоставить новых конвойных, подчиненных непосредственно ему. Соликамский воевода князь М. Козловский был просто не в состоянии выполнить все просьбы и требования немецкого ученого и между ними начинается затяжной конфликт. 11 июня Мессершмидт отправляет Блюментросту 19-й по счету и последний из Сибири рапорт, в котором просит прислать указ из Правительствующего Сената, способный заставить местную администрацию выполнить просьбы Мессершмидта по скорейшей доставке всего багажа,

столь ценного для науки. Но в ответном письме от 8 сентября, которое Мессершмидт получил только в ноябре 1726 года, президент Медицинской канцелярии И. Д. Блюментрост в резкой форме приказывает Мессершмидту немедленно отправляться в Москву с теми же самыми конвойными, а вещи на которых были повреждены печати, запечатать собственной печатью [19,с.30]. Сборы заняли еще месяц и только 14 декабря Мессершмидт отправился в путь. Он ехал на 10 санях в сопровождении двух слуг и двух конвойных солдат. 31 декабря Мессершмидт сделал свою последнюю запись в дневнике, так как Сибирь осталась позади, а описание территории Европейской России не входило в программу его исследований. Спустя месяц, 31 января 1727 года Мессершмидт приехал в Москву [19, с. 148]. В течение двух месяцев Мессершмидт добивался получения причитавшегося ему за 1726г. жалованья и прогонных денег, истраченных на дорогу до Москвы, но тщетно. Окончательно испортив свои взаимоотношения с администрацией Московской медицинской конторы 7 марта он выехал из Москвы и спустя 20 дней прибыл в Петербург, завершив, таким образом, первую научную экспедицию в Сибирь, длившуюся с момента отъезда (1 марта 1719г.) до прибытия (27 марта 1727г.) – 8 лет и 26 дней.

За эти годы в Петербурге очень многое переменилось. Не было уже главного вдохновителя изучения Сибирских просторов Петра I, а при Екатерине I процветали откровенные временщики, поэтому главная Медицинская канцелярия, как, впрочем, и многие другие государственные учреждения испытывала большой недостаток денежных средств. Не изменилось только, к великому сожалению Мессершмидта, неприязненное отношение к нему со стороны братьев Блюментростов, младший из которых Лаврентий Лаврентьевич являлся президентом Академии наук, а старший Иоганн Деодад президентом Медицинской канцелярии и архиатером всего Медицинского факультета. И.Д. Блюментрост, как непосредственный руководитель экспедиции Мессершмидта, считал ее для своего учреждения дорогостоящим и малоэффективным мероприятием, поэтому

воспользовавшись долгим отсутствием как посылок от путешественника, так и вообще каких-либо достоверных сведений о нем, Блюментрост добился указа о его немедленном возвращении в Петербург. Однако, поразного рода причинам, Мессершмидт затянул это возвращение на три года. Блюментрост расценил это как действия, повлекшие большие убытки для Медицинской канцелярии, которая вынуждена была выплачивать жалованье Мессершмидту, прогонные деньги и возмещать другие произведенные им во время путешествия расходы. Кроме того, Блюментрост был возмущен, с его точки зрения, явным неповиновением Мессершмидта. Именно благодаря стараниям Блюментроста, еще задолго до возвращения Мессершмидта в Петербург, при дворе Екатерины I сложилось крайне неблагоприятное мнение о нем. По приезду в Петербург Мессершмидт, совершивший беспримерный научный подвиг по изучению практически неисследованного сибирского края, подорвавший в этой тяжелой экспедиции здоровье, полуслепой и физически истощенный, оказался в роли неудобного двору человека. Прямолинейный и откровенный в суждениях, да к тому же требующий признания своих заслуг и денежного возмещения затрат (жалованье за 1726г. и оговоренной премии по окончанию всей экспедиции) Мессершмидт был обречен на неудачу в эпоху, когда при дворе ценилось умение льстить и интриговать.

Уже 28 марта, т.е. на другой день приезда в Петербург, по приказу Блюментроста были опечатаны все привезенные Мессершмидтом вещи, причем как предназначенные к сдаче в Медицинскую канцелярию, так и его собственные. Началась долгая тяжба Мессершмидта с Медицинской канцелярией за право быть допущенным к систематизации привезенных из Сибири коллекций, закончившаяся тем, что в январе 1728г. все эти вещи были переданы для осмотра специально назначенной Академией наук комиссии, в которую вошли И.Д. Шумахер, Ж.Н. Делиль, Т.З. Байер, И.Х. Буксбаум, а для ведения протокола пригласили молодого адъютанта Г.Ф. Миллера[19, с. 153]. Впоследствии, ставший уже известным академиком,

автором всемирно известной «Истории Сибири», Г.Ф. Миллер писал: «Кунсткамера, благодаря усердию Мессершмидта, так обогатилась отечественными экспонатами и редкостями, что это превзошло всякие ожидания»[16, с. 151].

В начале мая вещи были приняты Академией наук. Академическая комиссия отметила проявленное Мессершмидтом большое усердие в собирании этих вещей и рекомендовала Медицинской канцелярии выдать ему вознаграждение в размере двухсот рублей. Но эти деньги не могли удовлетворить Мессершмидта, так как практически лишь покрывали расходы личных средств на приобретение этих вещей. К тому же в жизни Мессершмидта произошла одна важная перемена. В марте 1728г. он женился на молоденькой дочке Петербургского аптекаря Бриггитте Элен Боклер. По свидетельству современников женщина эта обладала красивой внешностью, но имела самолюбивый и вспыльчивый характер [40,s. 104]. У Мессершмидта, теперь уже главы семейства, ожидающего потомство (а Бригитта Элен забеременела сразу же после свадьбы), появился новый стимул все же добиться в полной мере причитающегося ему за экспедицию денежного вознаграждения. В этом ему помог посол польского короля в Москве барон П. Лефорт, к которому Мессершмидт обратился как польско-прусский поданный. После того как 13 сентября Мессершмидт принес присягу о том, что по возвращению на родину он не будет без разрешения Академии наук публиковать никакие сведения о Сибири, ему выдали заграничный паспорт и причитающееся жалованье за 1726 и первую треть 1727гг. Из-за рождения дочери Мессершмидт смог выехать на родину лишь год спустя, в сентябре 1729г. За это время отношения с Академией наук начали складываться вполне благоприятно, ему предлагали место при библиотеке или Медицинской канцелярии, он мог также заведовать естественнонаучной коллекцией Академии, но он так и не сделал свой выбор [40,s. 104]. Молодой жене хотелось пожить в Европе и 16 сентября 1729г. Мессершмидт вместе с женой и дочерью отплыл из Петербурга. Но по пути в

Данциг, недалеко от Пиллау, корабль затонул. Мессершмидту и его семье удалось спастись, но все имущество, а также книги, рукописи, естественноведческие коллекции, редкости – были утрачены. На родине, практически нищий Мессершмидт, привыкший за годы жизни в Петербурге общаться с людьми высшего света и материально себя слишком не ограничивать, не встретил радушия. Более того вести жизнь начинающего врача в 45 лет он считал для себя недостойным, а заниматься научной работой, систематизируя привезенные из Сибири материалы, у него не было никакой возможности. То, что он вез из Петербурга – утонуло, а то, что он сдал в Академию наук было для него недоступно. Более того, связанный присягой он не мог ничего издать за пределами России. В 1730г. в Стокгольме вышла книга Ф.И. Страленберга[42], бывшего спутника Мессершмидта, которая имела грандиозный успех в Европе. Впервые европейскому читателю открылись удивительные описания сибирской жизни, рассказанные непосредственным очевидцем. Но с точки зрения науки, книга была слабоватой, что отмечали уже современники Страленберга, а тем более это отчетливо понимал сам Мессершмидт. И в 1731г. он принимает решение вернуться в Петербург, чтобы продолжить работу над научной обработкой своих материалов и надеясь возглавить сухопутный отряд готовящейся Второй Камчатской экспедиции. Но вернувшись в Петербург, никакого приглашения от Академии наук Мессершмидт не получил, а сам, по словам Г.Ф. Миллера, был слишком гордым человеком и ни с какими просьбами ни к кому не обращался [19, с. 156], поэтому жил в бедности и неизвестности. За полгода до смерти в его доме частым гостем стал адъютант Академии Г.В. Штеллер, бывший ученик Ф. Гоффмана в Галльском университете. Общий учитель и университет в Галле, который они оба когда-то окончили, сблизил Мессершмидта и Штеллера. Тяжело больной Мессершмидт уже не мечтал о втором путешествии в Сибирь и весь свой опыт стремился передать молодому и энергичному, рвущемуся в дальние страны Штеллеру. Ранним утром 25 марта 1735г. Даниель Готлиб

Мессершмидт, всеми забытый и так и не получивший должного признания, скончался. Событие это осталось совершенно незамеченным, как для общественности, так и для представителей Академии наук и Медицинской канцелярии. Мессершмидт был похоронен на одном из кладбищ Петербурга. Месторасположение его захоронения было утрачено и уже спустя сорок лет известный путешественник и ученый П.С. Паллас, высоко ценивший научный вклад Мессершмидта в изучение Сибири, не смог, при всем своем желании, отыскать его могилу. Отметим, что в 1737г. Г.В. Штеллер женился на вдове Мессершмидта, а затем добился разрешения присоединиться ко Второй Камчатской экспедиции, в которой сыграл одну из выдающихся ролей. После смерти Штеллера Бригитта Элен, переехавшая в Москву, не долго вдовствовала и вновь вышла замуж, на этот раз за московского учителя Фрейеслебена. О дочери и других потомках Мессершмидта достоверных данных нами не найдено.

ГЛАВА II. ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА

В истории Приенисейского края XVIII век характерен тем, что вслед за военной и промышленной экспансией, началось научное освоение этого уникального региона России. Академические экспедиции, в которых приняли участие такие выдающиеся ученые как Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, Г.В. Стеллер, И.Э. Фишер, С.П. Крашенинников, П.С. Паллас, всесторонне изучили все «три царства природы», т.е. флору, фауну и минералогию нашего края, историю его присоединения к России, памятники древности коренных народов, заложив тем самым крепкий фундамент сибиреведения. Но все же честь быть первопроходцем научного освоения нашего края принадлежит не им, а Даниелю Готлибу Мессершмидту, энциклопедически образованному человеку, неутомимому путешественнику, самоотверженному ученому[32, с. 25-27].

Но особой миссией Мессершмидта стало открытие им для науки енисейских древностей. И здесь мы выделим три аспекта его деятельности на территории Приенисейского края: открытие древней письменности народа населявшего Хакасско-Минусинскую котловину в средние века; археологические раскопки древних захоронений недалеко от Абаканского острога, положившие начало всей сибирской археологии и описание петроглифов, исследованных им на Енисее и Ангаре.

II.1. Открытие древней письменности народа населявшего Хакасско-Минусинскую котловину в средние века

Первой из енисейских древностей, открытых Мессершмидтом, стала руноподобная письменность древних хакасов.

В августе 1721г., спускаясь вниз по долине Уйбата, караван экспедиции прибыл к юртам качинских татар (современные хакасы). Прием был

радушным. После отдыха Д.Г. Мессершмидт, вместе со своими спутниками и в сопровождении двух мужчин, верхом на лошадях, поехали осматривать древние памятники, о которых рассказывали татарские старики.

Уже на спуске с гор в извилистой долине реки Уйбат, Д.Г. Мессершмидта и его спутников поразили невиданные ранее в Сибири большие земляные курганы, обставленные четырехугольными оградами из крупных плит гранита или девонского песчаника. По углам, а иногда и серединам сторон таких оград возвышались высокие узкие плиты, врытые в некогда в землю в вертикальном положении.

Курганы эти, как теперь установлено, относились к VII-III вв. до н.э. Культура населения того времени ныне условно названа Тагарской. Интерес к этим необычным памятникам был так велик, что доктор Мессершмидт решил раскопать несколько подобных курганов. Но осуществлено это им было позже (см. II.2.).

Кроме курганов экспедиция изучала выбитые на каменных плитах и скалах древние рисунки и многочисленные каменные скульптуры людей, баранов, львов и т.п. Их было очень много в то время в Хакасских степях. Первые из этих изваяний были увидены Мессершмидтом при устье реки Бюрь, впадающей в Уйбат слева. Местные жители – хакасы, охотно служили проводниками экспедиции и, ничего не утаивая, показывали ученому иноземцу памятники древнего искусства и культа, сохранявшиеся и оберегаемые народом на протяжении многих поколений [13, с. 35].

Один из хакасов, ехавший на гнедом коне возле двухколесной кибитки, приподнялся на стременах и показал кнутовищем ногойки на возвышающийся над степью одинокий камень. Перейдя вброд речку Уйбат на ее северный берег, путешественники увидели на небольшом холме высокий песчаниковый обелиск, изогнутый «в виде венгерской сабли». На узкой грани столба рельефно выделялось антропоморфная личина. Снизу вверх на четырех плоскостях гладкого обелиска шли ровные строчки знаков, вырезанные острым инструментом. Надпись состояла из 17 строк. Художник

Карл Шульман зарисовал камень, а Мессершмидт записал об этой стеле: «Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами» [31, с. 125]. Так Д.Г. Мессершмидт открыл для науки первый памятник енисейской письменности, как выяснилось впоследствии, – средневековой письменности хакасов VII-XV вв. (см. Приложение 2).

В августе 1721г. караван экспедиции спустился по долине Уйбата до впадения его в реку Абакан. По Абакану и Енисею на двух каюках путешественники приплыли 12 сентября в Абаканский острог, которые находился на правом берегу Енисея под горой Туран.

Спустя четыре месяца, 24 января 1722г. в долине реки Тесь, экспедиция обнаружила и зарисовала «изсеченное из камня изображение старика». Эта фигура стояла на большом кургане, на левом берегу реки Тесь и изображала старика с вьющейся бородкой-клином, на спине которого находилось несколько букв, по большей части стертых. Лицом статуя была повернута на восток [35, с. 174].

Оба открытых экспедицией Д.Г. Мессершмидта каменных изваяния с енисейскими надписями были перевезены в конце XIX века в Минусинский краеведческий музей, где и сохранились до наших дней трудами и стараниями его сотрудников. Уйбатский памятник имеет шифр: Е-32, инвентарный номер 8. В музей был доставлен Д.А. Клеменцем в 1886г. Памятник с берегов реки Тесь имеет шифр: Е-37, инвентарный номер 12. В музей был доставлен А.В. Андриановым в 1896г.

Добавим, что Мессершмидт открыл для науки еще два памятника древнеенисейской письменности. Один, представляющий собой обломок зеркала из белого сплава, нашли «бугровщики» в древней могиле возле Абаканского острога и продали Мессершмидту. Второй, изваяние эпохи ранней бронзы с перекрывающей более древнее изображение надписью в 4 вертикальных строки на лицевой и боковых гранях, нашел сам Мессершмидт на берегу реки Уйбат. Ныне памятник хранится в Минусинском музее,

доставлен туда был в 1886г.Д.А. Клеменцем (шифр: Е-30, инвентарный номер 7).

И в заключении отметим, что енисейская письменность была дешифрована только в конце XIX века. Уже с начала XIX века многие ученые предполагали, что эта письменность принадлежала некогда древним хакасам. Ключ к расшифровке таинственной письменности нашел 1893 году профессором Копенгагенского университета Вильгельм Томсен, после того как в Монголии Н.М. Ядринцевым были найдены орхонские надписи с параллельным китайским текстом. Памятники Хакасско-Минусинской котловины Томсеном были классифицированы как орхоно-енисейское письмо. Переводы этих текстов на русский язык впервые были опубликованы известным тюркологом, академиком В.В. Радловым в 1895г.[11, с. 4].

О чем же сообщалось в надписях этих памятников, открытых на территории современной Хакасии в 1721-1722гг.? Хотя текст Уйбатского обелиска сильно пострадал от времени, не пощадившего поверхности древнего изваяния, высеченного из девонского песчаника, очевидно, однако, что это эпитафия, посвященная погибшему на войне знатному человеку. Имя его – Сабыкбасар. Он был тарханом и сангуном, т.е. знатным феодалом и военачальником. От его имени в тексте сказано: «В шесть моих лет я лишился отца. Я не сознавал этого. Я, горя, отделился от трех моих старших братьев... Я не наслаждался ни моим государством, ни моим ханом. Моими сыновьями, моими старшими и младшими братьями я, видя любовь, не наслаждался, так как умер» [13, с. 44].

Надпись высечена в VIII в., стела, очевидно, является поминальной, т.к. установлена на холме, а не возле могилы. Так поступали в тех случаях, когда воин погибал где-то на чужой земле, а на его родине совершали поминки по убитому.

Вторая надпись была высечена на спине каменной фигуры бородатого мужчины, держащего в обеих руках сосуд для питья. Изображен также головной убор виде наместника, свисающего назад. Подобные фигуры,

изображающие погибших героев ставили в Центрально Азии в VIII-X вв. На левом боку фигуры высечена древне хакасская тамга, очертания которой позволяют уточнить время сооружения статуи – середина X в. К тому же времени относятся и надписи на ее спине: это расписки двух поколений государственных чиновников (всего четыре человека).

Третья надпись на обломке зеркала из белого сплава переводится так: «человек Ангказ-Тошек, кусок моего зеркала» [13, с. 45]. Очевидно, это пометка владельца зеркала, дорожившего даже его обломком.

Особую значимость, по мнению современных исследователей, имеет памятник с берегов реки Тесь, характеризующий заключительный этап развития енисейской рунической письменности [14, с. 33].

II.2. Археологические раскопки древних захоронений

В январе 1722г. Д.Г. Мессершмидт стал первопроходцем еще одной научной дисциплины, изучающей енисейские древности, археологии.

Раскопки древних курганов в Сибири начались еще в XVII веке, но не ради науки, а для наживы. По многочисленным свидетельствам современников, в начале XVIII века по Сибири гуляла настоящая золотая лихорадка [30, с. 85]. Был организован особый промысел по разграблению древних захоронений, которым занимались целые артели «бугровщиков». Все это приводило к пограничным стычкам и конфликтам с коренным населением. Поэтому уже в начале 1718г. Петр I издал Указ, в котором было «жестоко запрещено во всей Сибири искание таковых гробов» [12, с. 46]. По сути, это было первое правительственное распоряжение по охране археологических памятников, запрещающее какие-либо раскопки.

Каким же образом Мессершмидт, человек в высшей степени законопослушный, решился нарушить царский Указ.

Во-первых, уже в первый год своего пребывания в Сибири, Мессершмидт лично имел возможность убедиться, что запрет на раскопки

фактически игнорируется. Вот его запись, сделанная в 1720 году: «В Чауской слободе около 150 жителей...главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степи. Собираются со всех окрестных деревень и разбиваются на отряды. Найдя такие насыпи над могилами язычников, они иногда находят в этих могилах много золотых и серебряных вещей..» [27, с. 232].

Во-вторых, Мессершмидт руководствовался двумя другими Указами Петра I от 13 февраля 1718 года, в которых говорилось: «...ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи... – також бы приносили, за что будет довольная дача, смотря по вещи» и что надо не только собирать «протчие вещи и камни с потписью, но и где найдутся, такие всему делать чертежи, как что найдут» [12, с. 48].

И, в-третьих, в нем, наверное, любопытство ученого просто возобладало над чувством нравственности и долга. Столько раз ему приходилось выслушивать рассказы «бугровщиков» о древних курганах, что как он сам записал в дневнике «...очень хотел знать, как и каким образом, эти язычники в древние времена строили свои гробницы» [35, s. 169].

Случай представился в Абаканском остроге в самом начале 1722 года. Квартирмейстер Д. Капелль тяжело заболел и, несмотря на то, что санный путь по Енисею установился, Мессершмидт принял решение отложить поездку в Красноярск. По его просьбе, в декабре 1721 года, были приглашены люди, осведомленные о близлежащих курганах. Но из-за боязни гнева абаканского приказчика никто не пришел. Наконец, 31 декабря «...пришел казак и доложил мне, что знает курганили могилу скифского захоронения, на надгробии которой, были указаны всякого рода письмена из знаков, букв и фигур, и это всего в полумиле от острога. Из-за приказчика, он боялся ехать показывать. Но я уговорил его, чтобы на следующий день рано утром, он вместе с моим слугой Петером в полной тайне, на моей лошади, съездили туда для предварительной разведки. Имя этого казака – Григорий» [35, s. 167]. После того, как 1 января 1722 года Петер и Григорий осмотрели

курган, Мессершмидт принял решение произвести его раскопки. Но 2 января ничего не получилось, вмешался «русский фактор». Дело в том, что после праздников «...приказчик был сильно пьян, так что с этим «хорошим парнем» невозможно было разговаривать о делах», а без его приказа лошадей дать не могли [35, s. 168]. Наконец, 3 января, уже после обеда, выехали на трех лошадях и, разбив лагерь на берегу Енисея, вблизи кургана, заночевали, разведя хороший костер.

Ранним утром 4 января Карл Шульман вместе с денщиками пошли к кургану для подготовительных работ. Но раскопки Мессершмидт начал только 5 января, в пятницу. Запись из дневника, сделанная Страленбергом: «Господин доктор и все мы поехали с рассветом работать на курган, ...рыть нужно было еще достаточно глубоко... После обеда нашли настоящую могилу, которая по верхнему горизонту степного дерна обложена частями дерева (как проволочными ячейками). В общем, над деревянным настилом была насыпана горка в полтора человеческого роста высотой, а ее окружность составляла около ста саженьей. В правой стороне обнаружилась гробница, простая, как у нас делают ямы для мертвых, в которой земля была весьма рыхлой. После того, как ее разрыли, нашли человеческий скелет. Однако уже смеркалось и мы, не закончив, пошли в лагерь» [35, s. 169].

Раскопки были продолжены на следующий день, но уже без Мессершмидта, вернувшегося в Абаканский острог из-за резкого ухудшения здоровья Капелля, к сожалению, скончавшегося в тот же вечер.

Собственно говоря, это и были первые раскопки курганов с научной целью, положившие начало всей сибирской археологии. Велись они на вполне профессиональном уровне, с графической фиксацией погребального сооружения, с детальным описанием и сохранением всего найденного. Данная методика послужила примером для последующих академических экспедиций.

Сам курган, раскопанный Д.Г. Мессершмидтом, с легкой руки Л.Р. Кызласова, относится к тагарской эпохе, т.е. к VII-III вв. до н.э. [12, с.

51]. Однако полностью и безоговорочно с таким определением трудно согласиться. По мнению Д.Г. Савинова «впервые раскопанный на Енисее «с научной целью» курган оказался достаточно сложным. Отнесение времени его сооружения к тагарской эпохе – правильно, но, скорее всего, в более узких хронологических пределах (сарагашинский этап, по периодизации М.П. Грязнова; V-III вв. до н.э.). Об этом говорят сравнительно большие размеры земляной насыпи, глубина основного захоронения, обилие человеческих костей, невыразительность рисунков на каменных плитах» [28, с. 89].

Впоследствии, Мессершмидт, еще не раз исследовал курганы древних енисейских обитателей. С археологической точки зрения несомненный интерес представляет описание осмотра уже вскрытой ранее могилы на реке Тесь. «28 января 1722г. капитан Табберт отправился вместе с Петром к нескольким насыпным, но расхищенным русскими курганам. Потом обнаружилось, что выброшенная из них земля состоит из одной лишь жженой глины, доказывающей, что язычник некогда сжигали своих покойников» [26 с. 14]. «Проводник, который был с нами, также сообщил так как он бывал у многих могил, которые вскрывали, что большинство ценных находок сильно были повреждены огнем, расплавлены. Но в других обнаруженных могилах не было следов огня, так как земля без пепла и все вещи в могилах находили не потревоженными вместе с умершими» [17 с. 32]. При этом «все могилы кругом обложены колотым плитняком, в локоть ширины и четверть локтя толщины. На каждом углу могилы, имевший вид пригорка или насыпного холма, стоял поставленные торчмя камень. Бока такого квадрата могли быть в 12-15 сажень длины, так как одни могилы были больше, другие меньше» [26 с. 14]. Интересное дополнение к этому сделано позднее Страленбергом Таббертом: «Во время, когда я обходил одну из ограбленных могил, то нашел кусочек золота, весом приблизительно в пол лота. Из этого можно заключить, как люди, небрежно обошлись с найденным в раскопанной могиле золотом» [28 с. 91].

Данное описание полностью соответствует погребальному обряду кыргызских чаа-тасов VIII-X вв. (например Копенского или Уйбатского) с их сочетанием трупосожжения и трупоположения, высокими стелами по краям невысоких каменных выкладок, а также находками ценных изделий, в том числе даже золотых, оплавленных в огне. В этой связи следует отметить, что различного рода изделия, главным образом культуры енисейских кыргызов этого времени, в коллекции Д.Г. Мессершмидта достаточно многочисленны и вполне могут происходить из раскопанных тогда кыргызских чаа-тасов. Не менее интересны и информативны сведения о другом виде памятника. На Черном Июсе Д.Г. Мессершмидту рассказали о могилах «богатырей». Эти могилы «стояли ещё до киргизов, которые 30-40 лет тому назад были изгнаны русскими и бежали к реке Кемчуг через горы, и ни их предки, ни киргизские предки не знали, что за народы перед ними здесь их воздвигли. Эти, так называемые, богатыри или исполины, скорее всего выдумка, так как черепа и останки в этих могилах, не больше чем наши скелеты. И все же это должен быть очень многочисленный народ, так как в одной могиле иногда насчитывалось по 30-40 и более черепов, и всегда смешанных со сгоревшими углями [17 с. 108-109].

Приведенное описание вполне соответствует коллективным захоронениям тесинских или позднетагарских склепов, в которых иногда встречаются от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Интересны также приводимые легендарные сведения о том, что создатели этих погребений, жили ещё до киргизов, что указывает их действительную древность. Изделий из памятников подобного рода довольно много в коллекции Д.Г. Мессершмидта.

В результате археологических исследований в Приенисейской Сибири Д.Г. Мессершмидт выделил два типа конструкций погребальных сооружений. Первый тип характерен невысокими курганами в полтора человеческого роста, по краям которого установлены большие камни (от 4 до 10). На камнях, как правило, были выбиты письмена или рисунки. Внутри

кургана находилось деревянное сооружение в виде «ящика», сверху которого был деревянный настил. В таких гробницах чаще встречались одиночные останки, причем скелеты были в хорошей сохранности. Ко второму типу относятся курганы, характерные трупосожжением. Это были коллективные захоронения, в которых погребалось по 30-40 и более человек. Предметы из таких курганов были сильно повреждены огнем.

Большая часть собранных Мессершмидтом вещей была передана в Кунсткамеру Петра Великого, где хранится и поныне. Среди наиболее ценных, по оценке самого ученого: «брактеатные изображения разных животных из обрiza (т.е. золота – Я.Ф.) с разными фигурами, в виде роз, лилий, со многими золотыми шариками от одежды разной величины. Сами шарики с тончайшими листовыми пластинками, имеющими разные фигуры на простой плоскости в виде кругов, квадратов, параллелограммов, ромбов, все из обрiza» [27, с. 248].

Всего же в собрании сибирских древностей, привезенных Д.Г. Мессершмидтом в Петербург, по данным Н.П. Копаневой, специально исследовавшей этот вопрос, «мы можем насчитать около 500 единиц» [10, с. 79].

II.3. Описание петроглифов на Енисее и Ангаре

Третьей составляющей енисейских древностей, первооткрывателем которых был Мессершмидт, стали наскальные рисунки или петроглифы коренных обитателей берегов Енисея и Ангары.

Первые упоминания в литературе о наскальных рисунках на Енисее восходят к концу XVII века, автором которых является Николай Спафарий. В ходе путешествия в Китай он собрал сведения о наскальных рисунках со слов проводников. Но самому Спафарию увидеть енисейские петроглифы не довелось [8, с. 6].

Первое научное описание наскальных рисунков на Енисее осуществил Мессершмидт в 1722 году. По дороге из Абаканского острога в Красноярск, близ деревни Новоселово, 18 февраля и напротив деревни Бирюса 23 февраля, Мессершмидт осмотрел, так называемые «писанные камни», а Карл Шульман сделал с них рисунки (см. Приложение 3). Но из-за плохой погоды тщательного обследования не получилось.

Д.Г. Мессершмидт так сообщает об этом в своем дневнике: «23 февраля 1722г. В четырех верстах от деревни Бирюсы на скале различные фигуры, нарисованные красной краской. По мнению местных русских жителей, не понятно, как туда мог забраться человек и сделать подобной, так как они нарисованы на гладких и крытых скалах, очень высоко от уровня воды. Было уже поздно, рано стемнело, и из-за скверной дороги нам пришлось проехать мимо, так как эта скала была на правом берегу Енисея. К тому же из-за глубокого снега и нагромождения льда туда было не добраться. Эти скалы жители называют «Писанный камень» [17, с. 43].

Тогда же, 23 февраля были открыты и осмотрены, ставшие известными впоследствии, Бирюсинские пещеры. Но ничего заслуживающего внимания, кроме следов современного обитания в них обнаружено не было [28, с. 98].

К изучению этих памятников Мессершмидт вернулся осенью того же года, но уже без своих верных спутников. Дело в том, что и Страленберг и Шульман, по условиям Ништадского мирного договора, в мае 1722 года вернулись на родину. А Мессершмидт 26 сентября вновь оказался у Городовой стены, что находилась напротив Новоселово: «В 7 часов я, наконец, добрался до, находящейся справа от меня, Городовой стены – чрезвычайно высокого скалистого берега из коричневой горной породы, длина которого составляла почти две старых версты (1 старая верста равнялась 2км 133м – Я.Ф.). На вид эти скалы схожи с большой стеной, откуда и происходит их название.

На этой скалистой отвесной стене...несколько начертанных несмываемой ярко-красной краской графических знаков и фигур, которые с

незапамятных времен возвышались примерно на 4 сажени (9 метров – Я.Ф.) над водной гладью. Их изображение и описание я еще 20 мая отослал в Петербург» [35, s. 326].

Спустя неделю, 3 октября, Мессершмидт доплыл до Бирюсинского Писаного камня: «В половине пятого я покинул деревню Бирюса и увидел справа от себя скалу, на которой над водной гладью возвышались начертанные несмываемой красной краской древние знаки и фигуры. Я срисовал их...» (см. Приложение 4).

К сожалению, сейчас оба эти памятника енисейских петроглифов находятся на дне Красноярского водохранилища и недоступны для современных исследователей.

Каково было удивление Мессершмидта, когда спустя три года, возвращаясь из Иркутска в Енисейск, он встретил подобные наскальные рисунки на Ангаре. Запись в дневнике от 8 июля 1725 года: «Без четверти двенадцать я достиг Писаного камня, на правом берегу Тунгуски, около двух с половиной старых верст удаленного от деревни Климовой, возле которого я велел причалить, чтобы осмотреть нарисованные на скале древние фигуры и занести их в раздел – Древности. Географическая широта Писаного камня на Тунгуске 58° 34'» [38, s. 153]. Затем Мессершмидт зарисовал наскальные изображения и сделал их тщательное описание (см. Приложение 5).

Уже в наши дни, изучив десятки петроглифов на территории края, красноярские ученые сделали вывод о том, что изображения всадников на лошадях с сопутствующими фигурами, относятся к эпохе раннего железного века – средневековья и характерны для скифо-сибирского «звериного стиля». А в таежные районы Ангары их занесли носители скотоводческих культур Южной Сибири [7, с. 49].

Что касается самого Мессершмидта, то он вполне правильно сделал вывод о том, что наскальные рисунки были выполнены предками современных ему сибирских народов, и несли в себе некий сакральный смысл. Весьма почтительное отношение, всех без исключения

представителей коренных народов к подобным «писаницам», наглядно подтверждали его умозаключение.

Подводя итог научной деятельности Даниеля Готлиба Мессершмидта на территории нашего края, мы должны признать, что в области изучения енисейских древностей он заложил прочный фундамент для всех последующих поколений исследователей. Вклад его в научное освоение Приенисейского края трудно переоценить. Он опередил свое время и его идеи во многом созвучны взглядам современных ученых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, можно подвести итоги и сделать следующие выводы.

Результаты научной деятельности Даниеля Готлиба Мессершмидта на территории нашего края, в области изучения енисейских древностей выражены, прежде всего, в том, что он заложил прочный фундамент для всех последующих поколений исследователей. Вклад его в научное освоение Приенисейского края трудно переоценить. Он опередил свое время и его идеи во многом созвучны взглядам современных ученых.

Да, наверное, есть доля правды в словах академика В.И. Вернадского о том, что «Мессершмидт имел все данные сделаться великим натуралистом, а стал великим неудачником» [6, с. 280]. Но мы, современные жители Приенисейской Сибири, с полным правом можем утверждать, что Д.Г. Мессершмидт был первым, открывшим этот новый мир, называемый сейчас «Сибирской Тройей». Ведь все исследователи минусинского археологического района фактически шли по пути, проложенному Д.Г. Мессершмидтом, часто открывая, по сути дела, одни и те же памятники, которые уже были описаны в дневниках Мессершмидта.

Большая часть коллекции Сибирских древностей Кунсткамеры в Санкт-Петербурге, состоит из собранных Мессершмидтом вещей, количество которых насчитывает 500 единиц.

Но вместе с тем, мы вынуждены признать, что научное наследие Д.Г. Мессершмидта, по-прежнему требует тщательного изучения. Нам видится, что с методической точки зрения наиболее перспективным направлением в изучении научного наследия Д.Г. Мессершмидта, необходимо считать совмещение двух видов источников – письменных и археологических.

Надеемся, что наша работа станет скромным вкладом в создание давно назревшей междисциплинарной научной области «Мессершмидтоведение».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. второй. XVIII век (первая половина). – М.; Л.: Наука, 1965. – 364 с.
2. *Бакмейстер Иоганн.* Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Императорской Академии наук. – СПб., 1779. – С. 117-118.
3. *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII-XIX вв. – Новосибирск, 2005.
4. *Быконя Г.Ф.* История Приенисейского края. XVII – первая половина XIX века: Учебное пособие. – Красноярск: Горница, 1997. – 319 с.
5. *Быконя Г.Ф.* Избранные труды. Т.1: Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Красноярск: Литера-принт, 2015. – 390 с.
6. *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Труды по истории науки. – М., 2002. – С.193-318.
7. *Дроздов Н.И., Макулов В.И., Заика А.Л., Леонтьев В.П.* Результаты археологических исследований памятников материальной культуры р. Подкаменной Тунгуски и наскальных рисунков Нижней Ангары // Научный ежегодник КГПУ. – 2000. – Вып. 1. – С. 43-55.
8. *Дэвлет М.А.* Петроглифы Енисея. История изучения (XVII – начало XX вв.) – М., 1996. – 250 с.
9. *История Красноярска. Документы и материалы.* XVII – первая половина XIX вв. Изд. 2-е, доп. и перераб. /Сост. и автор комментариев Г.Ф. Быконя. – Красноярск: Офсет, 2000. – 847 с.
10. *Копанева Н.П.* «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта // Наука из первых рук. Новосибирск. – 2006. – №5 (11). – С. 72-79.
11. *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 301 с.

12. *Кызласов Л.Р.* Начало сибирской археологии / Историко-археологический сборник. – М.: Изд-во Московского университета, 1962. – С. 43-52.
13. *Кызласов Л.Р.* В Сибири неведомую за письменами таинственными. – Абакан: РОСА, 1998. – 72 с.
14. *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития Енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // Российская археология. – 1994. № 1. – С. 33-50.
15. *Летопись* Российской Академии Наук. Т. 1. 1724-1802. – СПб.: Наука, 2000. – 994 с.: 65 ил.
16. *Материалы* для истории Императорской Академии Наук. Т. 6. История Академии Наук Г.Ф. Миллера. – СПб., 1890. – 636 с.
17. *Мессершмидт Д.Г.* Дневники. Томск-Абакан-Красноярск. 1721-1722. – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. – 160 с.
18. *Новлянская М.Г.* Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. – М.; Л.: Наука, 1966. – 96 с.
19. *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт. – Л.: Наука, 1970. – 184 с.
20. *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1862. – С. 350-362.
21. *ПФА РАН.* Ф. 1 (Конференция Императорской АН, ученая корреспонденция), оп. 3, д. 2 (Исходящие письма).
22. *ПФА РАН.* Ф. 1 (Конференция Императорской АН, ученая корреспонденция), оп. 3, д. 4 (Автобиографические данные Мессершмидта).
23. *ПФА РАН.* Ф. 98 (Мессершмидт Д.Г., путешественник по Сибири, доктор медицины), оп. 1, д. 21 (Выдержки из рапортов Мессершмидта, и из полученных им инструкций и писем).
24. *ПФА РАН.* Ф. 98 (Мессершмидт Д.Г., путешественник по Сибири, доктор медицины), оп. 1, д. 32 (Копии указов, промеморий, инструкций, поступивших на имя Мессершмидта, засвидетельствованные его рукой).

25. *ПФА РАН. Ф. 98* (Мессершмидт Д.Г., путешественник по Сибири, доктор медицины), оп. 1, д. 40 (Краткая автобиография Мессершмидта).
26. *Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. – СПб., 1888. – С. 9-19.
27. *Спицын А.А.* Сибирская коллекция Кунсткамеры // Записки отделения русской и славянской Археологии императорского Русского археологического общества. – 1906. – Т. VIII. Вып. 1. – С. 227-248.
28. *Тункина И.В., Савинов Д.Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков Сибирской археологии. – СПб: ООО «ЭлекСис», 2017. – 168 с.
29. *Федоров И.Г.* Научное освоение Приенисейского края академическими экспедициями первой половины XVIII века // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Красноярск: РИО КГПУ, 2006 – С. 253-259.
30. *Фёдоров И.Г.* Даниель Готлиб Мессершмидт – первооткрыватель енисейских древностей // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 5. КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск: Литера-Принт, 2010. – С.81-88.
31. *Федоров И.Г.* 295 лет назад первая Сибирская научная экспедиция под руководством Д.Г. Мессершмидта достигла реки Енисей // Край наш Красноярский: Календарь знаменательных и памятных дат на 2016 год. – Красноярск, 2015. – С. 124-126.
32. *Фёдоров И.Г.* 295 лет со времени прибытия в Красноярск первой Сибирской научной экспедиции под руководством Д.Г. Мессершмидта // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2017 год. – Красноярск, 2016. – С. 26-31.
33. *Чивтаев Ю.И.* Д.Г. Мессершмидт и И.Г. Гмелин в Верхнем Приленье: дневники и материалы. – Иркутск: ООО «Артиздат», 2014. – 52 с.
34. *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmaler. – Helsingfors, 1931. – 182 S.

35. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 1. Tagebuchaufzeichnungen 1721-1722. – Berlin, 1962. – 379 S.: 10 Ab.
36. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 2. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723-Mai 1724. – Berlin, 1964. –271 S.: 22 Ab.
37. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 3. Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724-Februar 1725.–Berlin, 1966. –274 S.: 15 Ab.
38. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 4. Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725-November 1725. – Berlin, 1968. – 283 S.: 12 Ab.
39. *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 5. Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. – Berlin, 1977. – 156 S.
40. *Pallas P.S.* Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidt siebenjähriger Reise in Sibirien // Neue Nordische Beytrage. Dritter Band. – St.Petersburg, 1782. – S. 97-158.
41. *Richter W.M.* Geschichte der Medicin in Russland. –Moskwa, 1817.– S. 148-153.
42. *Strahlenberg Ph.I.* Das Nord-und Ostliche Teil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – 438 S.
43. *Winter E.* Einleitung D.G. Messerschmidt. ForschungsreisedurchSibirien. 1720 – 1727. Teil I. Berlin, 1962.

СПИСОК ПРИЛОЖЕНИЙ

1. Указ Петра I о посылке доктора Д.Г. Мессершмидта в Сибирь от 15 ноября 1718г.
2. «Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами» – первый памятник енисейской письменности, найденный Д.Г. Мессершмидтом в августе 1721г.
3. Фрагмент дневника Мессершмидта от 23 февраля 1722г. с описанием Бирюсинского Писаного камня.
4. Рисунок Бирюсинского Писаного камня, сделанный Д.Г. Мессершмидтом 3 октября 1722г.
5. Рисунок Писаного камня на Ангаре вблизи д. Климовой, сделанный Д.Г. Мессершмидтом 8 июля 1725г.

Указ Петра I о посылке доктора Д.Г. Мессершмидта в Сибирь от 15 ноября
1718 года

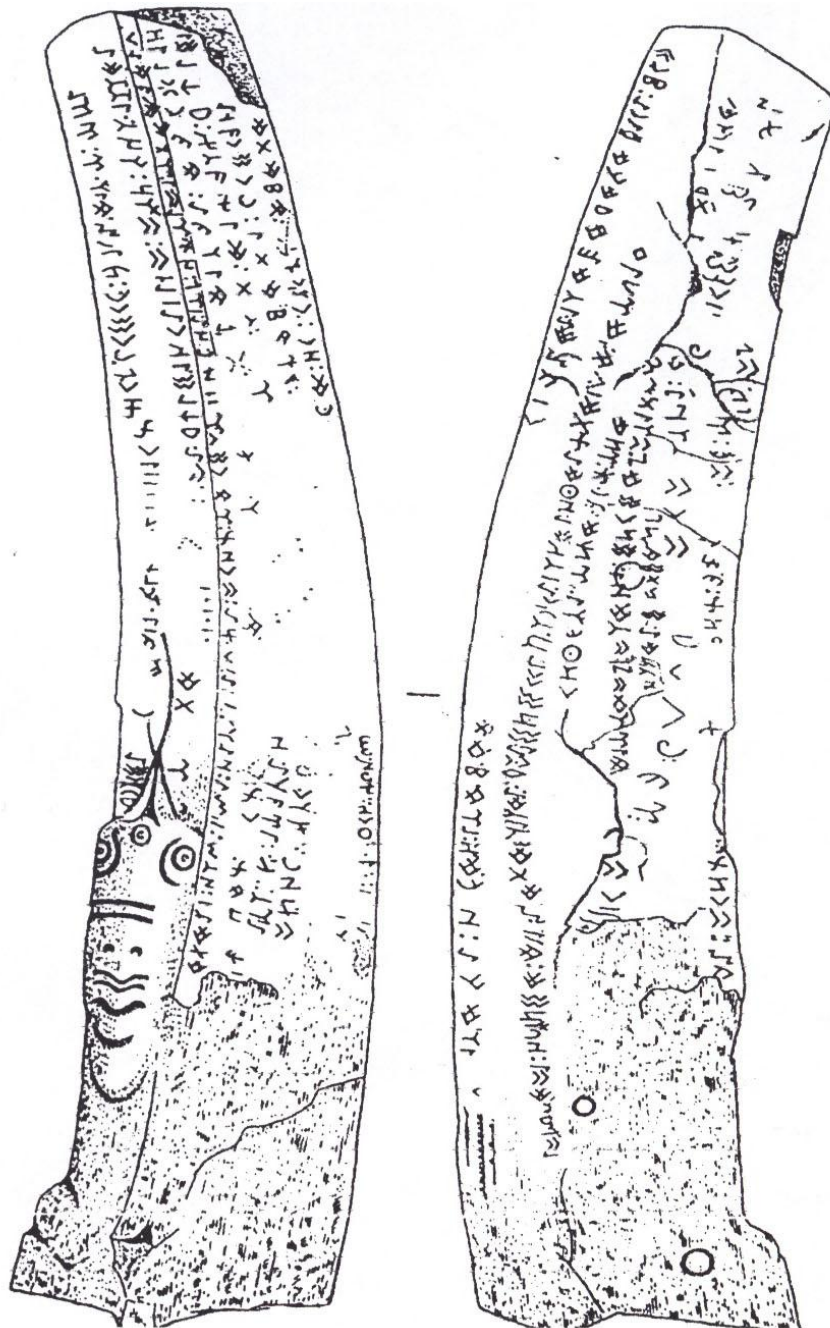
Санктъ Петербургу
Ноября 15 дня 1718. году.

Келиши Царя Великии Кнзъ Петръ Алексѣевичъ № 2
 всеа Великия Ималыя Облыя росий самодержецъ
 указалъ помянутомъ своемъ великого Царя указъ доктора-мессерш-
 мидта послать в Сибирь для изысканія пещинныхъ раритетовъ
 Аптекарскихъ и еще травъ и коренья исеменъ ипротца
 принадлежащи статьи величественныя составы ибара присы-
 лать всанктъ-петербурхъ иланкшю втѣи; для по послы-
 ни на се 1718 годъ пошла еяо пять сотъ рубли, аругую поло-
 динъ давести пятьдесять рубли; аоуде не дано шдаты емо
 всанктъ-петербурхено аптекарско канцелярии записи ароско
 сросайсною; аапрехъ оно шладъ пять сотъ рубли даа емо
 всибирско губернии поа мвствъ в тамо оудствъ обрѣтати;
 затитая аветныя замедниаментъ днги иоторые полоде
 ны присла ето губернии ааптекарско канцелярию; томъ сидитъ
 губернии ишбеднато индъ матвей петровичъ Тагаринъ послать
 писмо: се великого Царя Имално Ука до Аптекарско канцелярии
 записать шинигъ, ноября 15 дня, 1718.

Приложение 2

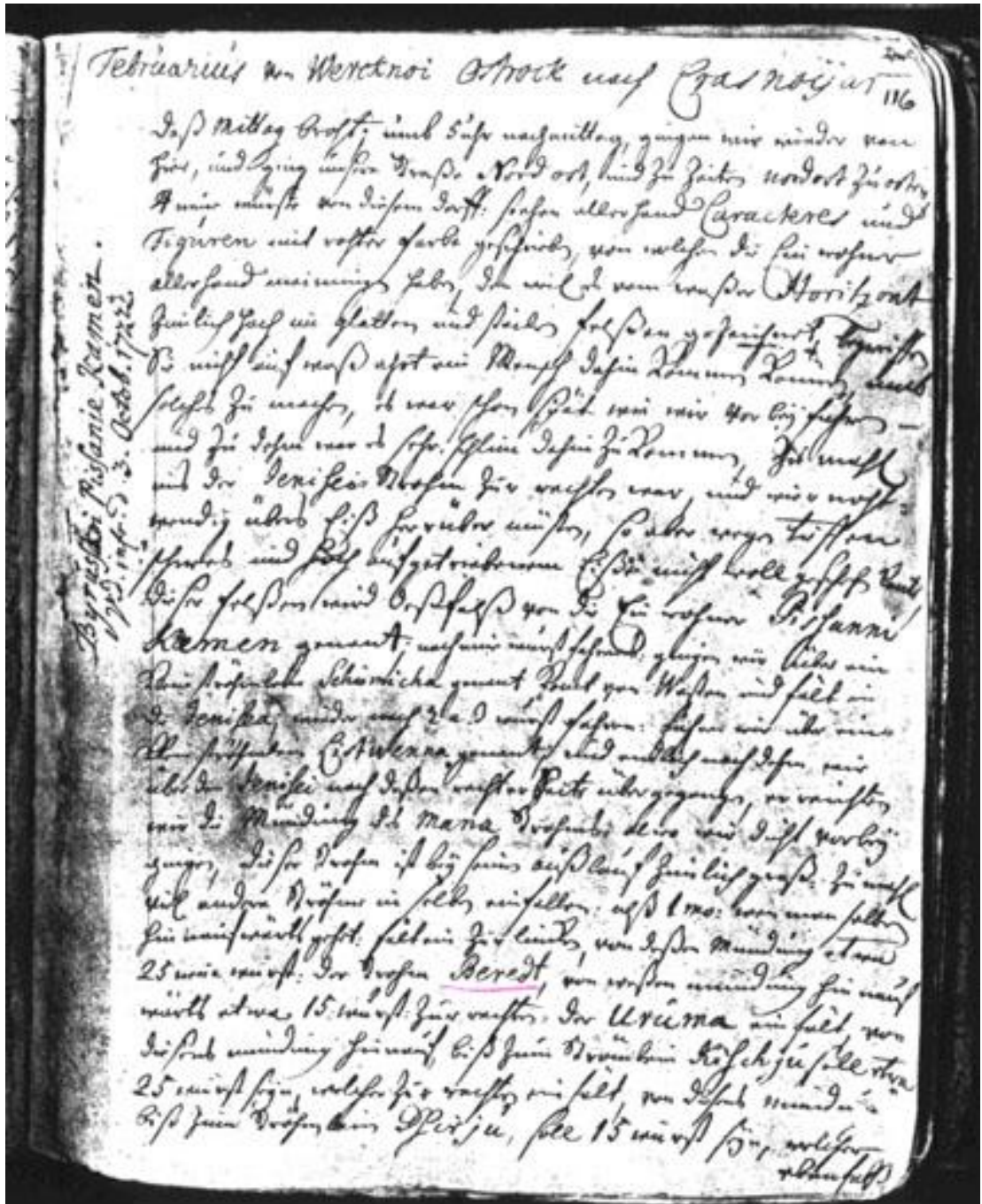
«Уйбатский памятник, вырезанный руническими письменами» –
первый памятник енисейской письменности, найденный Д.Г.

Мессершмидтом в августе 1721 года

По рисунку Х. Аппельгрена-Кивало

Фрагмент дневника Мессершмидта от 23 февраля 1722 года
с описанием Бирюсинского Писаного камня

ПФА РАН. Ф. 98, оп. 1, д. 1, л. 116.

Рисунок Бирюсинского Писаного камня, сделанный Д.Г.

Мессершмидтом 3 октября 1722 года

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 1.

Tagebuchaufzeichnungen 1721-1722. – Berlin, 1962. – Ab. 9.

Приложение 5

Рисунок Писаного камня на Ангаре вблизи д. Климовой, сделанный Д.Г.

Мессершмидтом 8 июля 1725 года

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil 4. Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725-November 1725. – Berlin, 1968. – Ab.

47.